

ИСТОРИЯ

УДК 94 (63): 314.8

Д.Н. Белянин

ФАКТОРЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена исследованию основных факторов, стимулировавших крестьянские переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. Данный вопрос не был объектом специального исследования в отечественной науке, изучался лишь поверхностно и представляет лауну. Автор выделил три фактора экономического характера, доказав, что именно они в первую очередь заставляли крестьян уходить на переселение. Доказывается, что условия для крестьянских переселений начали формироваться уже результатами отмены крепостного права в 1861 г.

Ключевые слова: предпосылки крестьянских переселений в Сибирь; колонизация; аграрный кризис в России.

Середина XIX в. стала временем эпохальных перемен в аграрной сфере России. Связанные с реформой 1861 г., эти перемены оказали огромное влияние на последующее развитие сельского хозяйства России. В настоящей статье ставится задача исследовать проблему формирования факторов, способствовавших росту крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.

В отечественной историографии неоднократно отмечалось, что аграрная реформа 1861 г. создала значительные преграды крестьянским переселениям [1. С. 75–77]. Вместе с тем реформа 1861 г. сформировала и целый комплекс факторов, способствовавших росту крестьянских миграций.

Первым фактором, толкавшим крестьян на переселение, стало обезземеливание крестьянства. Этот процесс происходил по нескольким причинам. Во-первых, в 1861–1880 гг. повинности и выкупные платежи были непосильным бременем для многих крестьян. Платежи бывших помещичьих крестьян в 1861–1870-х гг. по отношению к чистому доходу с их земли составляли 198,25%, т.е. крестьяне не только отдавали весь свой доход, но и должны были еще приплачивать столько же из сторонних заработков. Государственные и удельные крестьяне в 37 губерниях Европейской России платили от суммы чистого дохода, даваемого землей, 92,75% [2. С. 605]. В результате такого несоответствия между платежами и доходностью надел стали называть «разорителем» [3. С. 66].

Начался процесс отказа крестьян от таких «наделов-разорителей». Нередко крестьяне просто бросали свои наделы. Тяжесть выкупных платежей вызывала у крестьян опасение, что накопление недоимок может привести к восстановлению крепостного права. Поэтому крестьяне предпочитали путь «хоть с крестом, да на волю» [4. С. 39]. Так, в Московской губернии в 1877–1878 гг. из 199 360 приписных крестьянских семей 29 945, или 15% (подсчитано нами. – Д.Б.), имели надел, но не обрабатывали его. В отдельных волостях процент крестьян, забросивших земледелие, был еще выше. Например, в Осеевской волости 42,9% всех приписных крестьян не занимались земледелием, а в Гребневской волости – 53,5% [5. С. 126–127]. В Трубчевском уезде из-за плохой почвы отказов крестьян от

наделов было больше, чем желавших взять на себя лишние наделы отказников, поэтому брошенную землю очень часто приходилось наваливать на состоятельных крестьян даже силой [6. С. 67]. В Кашинском уезде (Тверская губерния) в 88,5% общин крестьяне забрасывали наделы вследствие их крайнего обременения платежами [7. С. 344]. Примеры готовности крестьян бросить наделы и уйти на переселение приводил и Л.Ф. Скляр [8. С. 54]. Такая тенденция обезземеливания крестьянства за счет «сдачи душек» (душевых наделов) широко описана в трудах современных историков [9. С. 31].

Во-вторых, отказ крестьян от наделов был обусловлен плохим качеством последних. Так, 84 домохозяина д. Ямной (Калужская губерния) после перехода на выкуп в 1866 г. получили настолько недоброкачественную землю, что отказались от полевых наделов, не желали их распахивать, сеять и платить выкупные платежи. Нежелание крестьян брать эти наделы было настолько велико, что даже после ввода в деревню воинской команды сопротивление не прекратилось и выкупная сделка осталась фактически нереализованной [10. С. 178]. В одном из селений Ковровского уезда (Владимирская губерния) крестьяне получили крайне плохую землю – песчаную, щебнистую, изрытую оврагами, плюс за нее необходимо было платить слишком высокие платежи. С первого дня освобождения крестьяне от этой земли отказались и платить за нее не желали. Борьба тянулась не одно десятилетие, крестьяне упорно отказывались принимать наделы, а предоставленную им землю бросили. Дело дошло даже до столкновений с полицией и суда, но в итоге в 1889 г. администрация вынуждена была сдаться, и по положению комитета министров 18 семей с 47 ревизскими душами были отправлены в Сибирь с правом устройства на общих основаниях с переселенцами [11. С. 119]. В качестве примера можно привести также случай в Сергиево-Шереметьевской волости (Рязанская губерния). Бывшие помещичьи крестьяне в 1863 г. в количестве 630 ревизских душ после получения уставных грамот решили, что они «землей обижены», получают не то, на что рассчитывали, отказались от наделов, распродали имущество и ушли на переселение [12. С. 11–12].

В итоге таких отказов крестьян от земельных наделов в некоторых районах страны даже отмечалась тен-

денция сокращения посевных площадей. К примеру, в Нечерноземье в 1860 г. площадь посевов составляла 33,5 млн десятин, в 1881 г. она сократилась до 28,8 млн десятин [13. С. 14]. Самовольный отказ крестьян от земельных наделов имел место в основном в 1861–1870-е гг. В первой половине 1880-х гг. государство понизило выкупные платежи, отменило подушную подать и стало практиковать отсрочку от недоимок по выкупным платежам. В результате повысилась рентабельность и надел из «разорителя» превратился в «кормитель». Новые условия привели к тому, что «бегство» от земли сменилось массовым «обращением» к земле [7. С. 345, 347–348]. Поэтому данный фактор действовал лишь на этапе 1861–1880 гг.

В-третьих, обезземеливание крестьян происходило в процессе функционирования передельно-уровнительного механизма внутри крестьянской общины. Хотя в официальной, народнической и либеральной литературе второй половины XIX в. усиленно культивировалась точка зрения, что русская передельная община гарантировала каждому члену земельный надел, не позволяя полностью разориться [14. С. 13–14], в действительности все обстояло несколько иначе. Многочисленные факты доказывают, что передельная община не только не всегда гарантировала каждому получение земельных наделов, но и, наоборот, нередко отнимала эти наделы у крестьян, создавая категорию безземельных. Еще в начале XX в. исследователями была выявлена тесная связь между переделами и уплатой повинностей, которая была закреплена круговой порукой. Подобная практика круговой поруки была необходимым условием для исправного производства крестьянских платежей за землю. Фактически, из самого Положения 19 февраля логически вытекала необходимость отбирать землю у нерадивого или ушедшего работника и передавать ее, как источник платежа, тому, кто обязывался вносить причитающийся за нее платеж [15. С. 4–5].

В условиях круговой поруки многие передельные общины начали вести борьбу против накопления недоимок на маломощных хозяевах. При этом земля нередко распределялась в соответствии с хозяйственной состоятельностью крестьянских дворов (наличие рабочего скота или инвентаря) либо по числу рабочих рук в семье. В Самарской и Саратовской губерниях практиковалось исключение из наделения землей недоимщиков, заведомо «маломощных» и «упалых хозяев». Безнадежным неплательщикам вовсе не давали землю, а иные (из-за боязни не осилить лежавшие на земле повинности) сами от нее отказывались [16. С. 155–157]. К примеру, в 1883 г. в Кирилловской общине (Ставропольский уезд) сельский сход вынес постановление отобрать земельные наделы у 35 неплательщиков податей, в д. Богдашкино (Озерская волость) при переделе планировалось исключить недоимщиков из числа наделяемых, в д. Татарское Урайкино (Помряскинская волость) при будущем переделе недоимщики и неисправные плательщики также подлежали исключению из числа наделяемых. В 14 общинах Самарской губернии в 1880-х гг. недоимщикам совсем не нарезали земельные наделы, вследствие чего эти крестьяне должны были навсегда перейти в разряд безземельных пролетариев [14. С. 113, 118].

Подобные примеры перекаладывания земельных наделов с «несостоятельных душ» на общество посредством переделов в пореформенный период были отмечены и в нечерноземных губерниях [17. С. 44]. В результате таких переделов происходило превращение крестьян в безнадельных. Например, в 1894 г. в Салтыковской волости (Московская губерния) собственно земледелием занималось лишь 22% крестьян, в Троице-Лобановской – 24%, в Рождественской – 27%, в Жироскинской – лишь 13%. Остальные относились к числу безземельных и бесхозяйных, причиной чего было обезземеливание обществом одних крестьян и передача их наделов другим [18. С. 88–90]. Таким образом, функционирование общинно-передельного механизма с целью «навалки» наделов на более состоятельных домохозяев создавало в российской деревне категорию безземельных крестьян, выходом для которых было либо переселение, либо переезд в город.

Безземельные крестьяне появлялись не только в передельных общинах, но и в хозяйствах с подворным землевладением. Правда, среди подворников процент безземельных был меньше: в начале XX в. в губерниях с подворным владением безземельных насчитывалось 20,6%, в губерниях с общинным владением – 23,7% [19. С. 44]. В «белорусских» губерниях, где абсолютно преобладало подворное землевладение и беспередельные общины, в 1893 г. безземельные составляли 7,7% дворов [20. С. 15]. Появление среди подворников безземельных домохозяев тоже толкало последних на переселение. К примеру, из Щигровского и Фатежского уездов (Курская губерния) 12,1 и 14,5% соответственно хозяйств подворников были вынуждены уходить на переселение [21. С. 65]. Факты свидетельствуют, что именно из числа безземельных и малоземельных формировался основной контингент переселенцев. К примеру, в 1896 г. из 28 631 семьи зарегистрированных переселенцев 18 512 семей (64%) или вовсе не имели наделной земли, или имели ее в недостаточном количестве (до 3 десятин), к числу абсолютно безземельных при этом относилось 19%, а 24% переселившихся не имели при себе никакого багажа [22. С. 6]. Переселенцы из Черниговской губернии в 1906–1908 гг. имели средний надел на родине 3,9 десятины, при этом средний надел по губернии в 1905 г. равнялся 8,2 десятины. Вообще безземельных среди переселенцев было 22,8%, имевших до 3 десятин – 42,1% [23. С. 161, 163]. По опросам в Томске в 1889–1892 гг. из 14 311 семей переселенцев земли не имели у себя на родине 1 767 семей (12,3%) [24. С. 28]. Сами крестьяне нередко в своих прошениях причиной переселения называли отсутствие у них земли [25. Л. 85–85 об].

Вторым фактором, способствовавшим росту крестьянских переселений, было измельчание крестьянских наделов. Начало этому процессу было положено реформой 1861 г., по итогам которой размеры крестьянского землепользования значительно сократились. Уже в 1860-х гг. по этой причине крестьяне стали подавать ходатайства о переселении. Так, 600 душ мужского пола (д.м.п.) крестьян с. Кузовки (Тульская губерния) в 1864 г. ходатайствовали о переселении в Томскую губернию [8. С. 53]. В Орловской губернии крестьяне с. Шаблыкино по реформе 1861 г. на

545 ревизских душ (875 наличных д.м.п.) получили всего 450 десятин (по $\frac{3}{4}$ десятины на ревизскую душу), что заставило их потом просить о переселении [26. Л. 22]. По условиям реформы 2,3 млн ревизских душ получили меньше чем по десятине каждая, а 1,2 млн вышли на незначительный дарственный надел [27. С. 280]. Не лучше было положение бывших дворцовых и удельных крестьян: 39 893 крестьянина этих категорий из Пермской губернии получили всего $\frac{2}{4}$ десятины надела на душу [28. С. 457].

Иногда крестьяне сами отказывались от полных наделов. В д. Масловка (Казанская губерния), где распространился слух, что у помещиков скоро землю всю отнимут и раздадут крестьянам, местный помещик предложил крестьянам взять дарственную десятину и отказаться от предоставленных им при выкупе наделов. Крестьяне под воздействием слухов пошли на подобную сделку, в итоге оказались на мизерных наделах, к тому же окруженных помещичьими землями (следствием чего становились неизбежные потравы и штрафы). В результате часть крестьян вынуждена была уйти на переселение в Томскую губернию [29. С. 29–30]. Похожий случай описал И.Е. Беляков в журнале «Русское богатство» [30. С. 2].

В 1860–1890-е гг. процесс сокращения крестьянских наделов в связи с естественным приростом населения продолжился. Фактически после реформы 1861 г. в России был налицо демографический бум среди крестьянского населения. Если в дореформенную эпоху число крепостных крестьян шло на убыль – с 11,4 млн д.м.п. в 1836 г. до 9,8 млн в 1856 г., то уже в первое десятилетие после X ревизии (1858–1867 гг.) численность бывших помещичьих крестьян увеличилась на 15%. За 50 лет все сельское население Европейской России выросло с 54,8 млн в 1858 г. до 104,8 млн в 1910 г. [13. С. 4]. В результате прироста населения уже к концу 1870-х гг. у государственных крестьян произошло фактическое сокращение средних душевых наделов во всех без исключения губерниях, что было зафиксировано поземельной переписью 1877–1878 гг. [31. С. 160].

Измельчанию наделов способствовал усиливающийся процесс семейных разделов внутри крестьянских общин. В 1861–1882 гг. в 46 губерниях Европейской России разделилось 2 371 248 крестьянских семей. В результате постоянного ослабления численного состава крестьянских семей и появления множества новых семей, не обладавших необходимыми для правильного ведения хозяйства рабочими силами и материальными средствами, происходил упадок благосостояния сельского населения в некоторых местностях [32. С. 232–236].

Глава МВД в циркуляре 28 августа 1882 г. констатировал, что в крестьянских хозяйствах вместо ожидавшегося после 1861 г. развития налицо очевидный упадок экономического быта, причиной этого явления были названы именно семейные разделы [33. Л. 1а–1а об]. В циркуляре 4 марта 1886 г. министр МВД добавил, что вследствие семейных разделов большая часть крестьянских семей принадлежит к одноробочим, а в некоторых губерниях число таких дворов превышало 70% [34. Л. 61].

В региональных и центральных архивах сохранилось немало ходатайств крестьян о переселении в Си-

бирь по причине «крайней нужды» в землепользовании или незначительности наделов [35. Л. 58, 184, 185–185об]. Эта же причина называлась и многими современниками, тесно общавшимися с переселенцами [36. С. 144]. На вопрос о причинах, побудивших к переселению, нередкими были ответы «от безземелья», «мало земли было», «землей наголодались», «тесно стало», «под деревьями больше места было, чем под пашнями» и т.п. [37. С. 1]. Не скрывался этот факт и в официальных документах. Томский губернатор в отчете за 1881 г. причиной растущего переселения называл увеличение населения и недостаток земельных наделов в Европейской России [38. Л. 15об]. Тенденция переселения малоземельных и безземельных сохранилась и в период столыпинских переселений. Так, в 1906–1908 гг. среди переселенцев Черниговской губернии безземельные составляли 22,8%, имевшие до 3 десятин – 42,1% [23. С. 163]. А.Н. Куломзин, лично опросивший в конце XIX в. переселенцев в 199 поселках Сибири, зафиксировал, что большая часть новоселов упоминала о малоземелье или безземелье на родине (117 ответов), а еще в 51 переселенческом поселке крестьяне прямо указали на малоземелье и безземелье как на причину переселения [39. С. 1–192] (подсчитано нами. – Д.Б.).

Созданная в начале XX в. особая Комиссия для изучения причин неурожая 1891 г. констатировала: в 50 губерниях Европейской России с 1860 по 1900 г. средние душевые наделы крестьян уменьшились с 3,5 до 2,6 десятин на двор. При этом в черноземной полосе в 1878 г. насчитывалось 580 тыс. (д.м.п.) с наделом менее 1 десятины и 1,6 млн д.м.п. с наделом 1–2 десятины. По разным данным, к началу XX в. избыток рабочей силы в 50 губерниях Европейской России составлял от 5 до 33 млн лиц рабочего возраста [40. С. 14]. Индикатором аграрного перенаселения был ежегодный массовый отход крестьян на сторонние заработки. По подсчетам В.Г. Тюкавкина, в 1906–1910 гг. ежегодно отходничеством занималось 12–13 млн человек [41. С. 54, 63]. Эти миллионы ежегодно уходивших на сторонние заработки крестьян не могли найти применения своему труду в деревне.

Третьим фактором роста крестьянских переселений был аграрный кризис, наметившийся к концу XIX в. в губерниях Европейской России. Многие современники, а в дальнейшем и историки тесно связывали аграрный кризис с «малоземельем» российского крестьянства. Между тем еще в начале XX в. известный российский аграрник Б.Д. Бруцкус обратил внимание на некорректность такого подхода. Он считал, что этот термин не может являться первопричиной кризиса и не может объяснять неудовлетворительное экономическое положение крестьян, поскольку доходность крестьянского хозяйства зависит не столько от размеров надела, сколько от уровня развития народного хозяйства, форм землевладения и землепользования, организации кредита и общего уровня культуры населения [42. С. 55–59]. Поэтому многие исследователи в начале XX в. ввели в оборот термины «абсолютное малоземелье» и «относительное малоземелье» [27. С. 300]. Под «относительным» малоземельем понималась неэффективность существующей сельскохозяйственной системы,

связанная с плохим использованием имеющегося земельного фонда. Под «абсолютным» – объективная невозможность вести рентабельное хозяйство при мизерности надела.

Глава МЗиГИ А.С. Ермолов считал, что в России в подавляющем большинстве местностей имеет место лишь нехватка земли для сохранения старых форм экстенсивного хозяйства. По его подсчетам, чистая доходность десятины пашни по 27 губерниям Европейской России была равна всего 4,13 руб., варьируясь в диапазоне от 1,72 руб. в Калужской губернии до 7,82 руб. в Санкт-Петербургской. При этом был сделан вывод, что заработок, получаемый крестьянином от обработки арендованной десятины помещичьей земли, был больше, чем доход, получаемый от обработки собственной земли. Десятина обрабатываемой крестьянином помещичьей земли давала в среднем заработок в 17 руб. [43. С. 2–5, 38, 41, 53]. Последний факт нельзя объяснить ничем, кроме как крайне низким общим уровнем интенсификации наделных крестьянских земель относительно помещичьих. Агроном Ф. Бар отмечал, что губит крестьян не малоземелье (исключая немногие местности), а невежество, недостаток корма, скота и удобрения, малая производительность земли, что было следствием хищничества и абсолютной невозможности применить разумную культуру почвы при общинном землевладении. Завершая свою мысль, Ф. Бар добавил, что крестьянам надо прибавить не земли, а образования, знания дела и оборотный капитал [44. С. 8].

Аграрный кризис был вызван комплексом причин и проявлялся в первую очередь в кризисе трехпольной системы. Хотя современники приводили отдельные примеры перехода крестьянских хозяйств к многополью [45. С. 176], исследования А.М. Анфимова показали, что российская деревня во второй половине XIX – начале XX в. была в основном трехпольной: абсолютное большинство крестьянских хозяйств Европейской России (78,4%) практиковали трехполье. При этом некоторые хозяйства практиковали еще более архаичные системы: 1,3% вели двухпольное хозяйство, а 1,1% – вообще залежь [46. С. 177]. Основные недостатки трехпольной системы выражались в следующем: 1) большие потери земли от значительного распространения пара; 2) слишком малое количество и плохое качество получаемого навоза; 3) одичалость, затвердение и высыхание почвы из-за непрерывного возделывания хлебов, что вызывало потребности в больших затратах труда, удобрения и капиталов; 4) сильное истощение верхнего слоя почвы вследствие постоянного разведения узколиственных растений (хлебов) с мелкими корнями, отчего урожаи скоро уменьшаются и возрастает потребность в применении удобрений; 5) нерациональный севооборот (хлеба после хлебов); 6) слишком ограниченный круг выращиваемых растений, отчего увеличивается опасность неурожая даже при непродолжительном влиянии неблагоприятных атмосферных явлений (засуха, избыток влаги и др.) [47. С. 9].

В Европейской России рост и уплотнение земледельческого населения сопровождалось непропорционально малым ростом продуктивности хозяйственной площади. Следствием этого было уменьшение заработка всех лиц, участвовавших в производстве, и крестьянское население беднело. Даже в Норвегии, где

климатические и почвенные условия были хуже, чем в России, средний сбор хлебов с десятины достигал 110 пудов, в России – не превышал 30,3 пуда. При этом ни в одной стране мира не было такой большой площади под паром, как в России. Во Франции под паром оставалось лишь 6% пахотной площади, в Германии – 13%, в России же в среднем – 37%, а на крестьянских землях – до 40% [48. С. 25–26].

Рост земледельческого населения заставлял увеличивать затраты труда, чтобы получить с той же площади земли большее количество продуктов. Но так как сохранялась старая экстенсивная система хозяйства, то каждая новая затрата труда давала все меньший экономический эффект. Распаханная вдоль и поперек земля истощалась, и на определенной ступени наступил кризис экстенсивной системы, сопровождавшийся всеобщим оскудением [49. С. 10].

На вопрос о причинах, толкнувших на переселение, сами крестьяне давали ответы: «нечем жить стало, земля худая, лесу нет, покосу нет» (Орловский уезд), «земли стали старые, без навоза ничего не поделаешь... А для такого жилья надо иметь много скота, кормить же его нечем, сенокосов нет...» (Уржумский уезд, Вятская губерния) [50. С. 11, 35]. Одной из причин агрикультурного кризиса было нежелание крестьян вводить какие бы то ни было новшества, нацеленные на интенсификацию производства. Многие современники отмечали косность крестьян, их ориентацию на «дедовские», «заведенные исстари» методы ведения хозяйства. Такие факты приводил в своем исследовании В.П. Воронцов, констатировавший, что многие крестьяне не практикуют вывоз навоза на поля потому, что «так не заведено», «не привыкли» и пр. [51. С. 412]. Появление в пореформенный период земской агрономической службы не смогло поднять уровень крестьянской агрикультуры и изменить экономические стереотипы поведения. Агрономы даже сталкивались с непониманием важности своей работы и с откровенным недоброжелательством [52. С. 96].

Были и объективные причины, мешавшие крестьянам вводить агрикультурные новшества. К числу таких причин относились чересполосица, многополосица (мелкополосица) и дальнотелье, когда отдельные земельные участки отстояли от крестьянских усадеб на 5–10, а то и более верст. В Воронежской губернии в начале XX в. были селения, где участки располагались на расстоянии 20–25 верст от крестьянских усадеб. Один крестьянин Новгородской губернии в записке, представленной в совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, подсчитал, что при расстоянии в 3 версты от дома до пашни ему приходится за лето проехать в обе стороны 1 548 верст [43. С. 34]. В Тульской и Тамбовской губерниях навоз не вывозился далее 2–3 верст от усадеб, в результате «запольные земли» сильно тощали [53. С. 6–7, 10]. Дальнотелье делало экономически нерентабельным вывоз удобрений на поля, отстоящие от усадеб на 3–5 верст или более. В общинах, практиковавших уравнильные переделы, отказ крестьян от применения удобрений был вызван еще и опасением того, что удобренные земельные наделы после передела перейдут в руки других домохозяев. На этот факт неоднократно указывали историки в XX в., причем даже

относившиеся к общинному землепользованию с явным пиететом [17. С. 58–59].

Концентрированным выражением аграрного кризиса стали участвовавшие неурожайные годы и голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик [54. С. 708–709].

Показателем аграрного кризиса было накопление недоимок у крестьян. В Российской империи правительство из общеимперского капитала оказывало пострадавшим от неурожая продовольственную помощь, которая засчитывалась крестьянам в долг с обязательством погашения. Уже в конце XIX в. государство признало неспособность крестьян к погашению этого долга. Так, в 1894 г. вышел манифест, по которому все долги в казну и в общий продовольственный капитал по ссудам, выданным до 1866 г., слагались со счетов. А неуплаченные ссуды, выданные после 1866 г., слагались в половинном размере. Ссуды, выданные вследствие неурожая 1891–1892 гг., также слагались с крестьян в половинном размере. Всего на основании манифеста 1894 г. было сложено с населения продовольственных долгов на сумму около 50 млн руб., а на основании указов 1892–1893 гг. – еще свыше 51 млн руб. К 1900 г. за населением еще числился долг по ссудам 1891–1892 гг. около 30 млн рублей, и лишь незначительная часть этой суммы была возвращена, а остальное было сложено с крестьян-должников позднейшими актами [55. С. 142–143]. Отдельные крестьяне понимали необходимость интенсификации хозяйства, но в условиях общинного землепользования такой переход был возможен лишь когда хотя бы $\frac{2}{3}$ общинников осознают необходимость нововведений. Интересный случай описан в монографии П.Н. Зырянова. Один крестьянин в Царицынском уезде Саратовской губернии на надельной земле развел сад и ввел травосеяние. Но общество пустило сад в передел, а траву потоптал скот [17. С. 222]. Этот пример показывает косность большинства общинников, не желавших вводить никаких прогрессивных нововведений (травосеяние).

Переделная община сковывала хозяйственную инициативу отдельных прогрессивно мыслящих крестьян, желавших вводить более современные агрикультурные системы. Мир заставлял крестьян всех одновременно приступать к посевам и к уборке, так как было необходимо освобождать поля для пастбы скота, и здесь интересы отдельных домохозяев общиной просто игнорировались. «У кого хлеб созрел, у кого нет, а убирать нужно всем. Как кто остался – пускают скот и травят» – сообщал крестьянин из Поречского уезда. Из того же уезда еще один корреспондент привел пример, как привыкшее к шаблонным, «дедовским» методам хозяйствования большинство навязывало свою волю тем, кто желал бы ввести прогрессивные нововведения в хозяйстве: «Полей с засеянными травами в нашем селении вовсе нет, пользуются землей при трехпольной системе, некоторые же крестьяне, которые поумнее и более обращают внимание на упадок своего хозяйства, страшно жаждут четвертого поля, которое должно было бы служить для посева трав. Но так как таких очень

немного (2–3 человека) в нашем селении, то и этим приходится покориться судьбе». Корреспондент из Гжатского уезда сообщал, что «нет согласия у крестьян разделить землю на многополье и завести травосеяние». Почти такое же сообщение было и от крестьян Юхновского уезда: «Нет возможности правильно обрабатывать землю, т.е. вводить столь необходимую многопольную систему с правильным чередованием возделываемых растений, но в особенности столь необходимого для нас травосеяния, без которого почти что невозможно улучшение скотоводства» [56. С. 1–2, 5–8, 11].

В условиях быстрого демографического роста и кризиса традиционной системы землепользования крестьяне пытались расширять посевные площади посредством обращения под пашню как можно большего количества земель. Уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А.И. Шахназаров в начале XX в. отмечал: «...еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Все, что можно было распахать, – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны» [41. С. 71]. Значительных масштабов достигло лесосостребление. В 1862–1888 гг. ежегодно в губерниях Европейской России истреблялось до 900 тыс. гектаров леса [52. С. 78].

Однако такое расширение посевных площадей за счет других угодий быстро давало обратный ожидаемому. Например, в Воронежской и Черниговской губерниях после вырубki лесов, росших на легкой песчаной почве, образовались летучие пески. Эти пески стали постепенно заносить соседние надельные крестьянские земли. Помимо этого, для нормального эффективного ведения хозяйства необходимо правильное соотношение между пашней, лугами и выгонами, между посевной и кормовой площадью. Нарушение этого баланса в пользу пашни приводит к тому, что уменьшается кормовая площадь и крестьянин теряет возможность прокормить скот и рабочих лошадей, необходимых для обработки земли. Сокращение скота и лошадей вело также к уменьшению количества удобрений, без которых пашня быстро тощала, что в итоге давало постепенный упадок крестьянского хозяйства. Этот процесс особенно отмечался в Черноземье и некоторых других губерниях, где под распашкой было более 80% земель. Так, в Воронежской под пашней находилось 82%, в Тамбовской – 84,1, в Орловской – 84,2, в Тульской – 85,1, в Харьковской – 86,4, в Курской – 88,8, в Подольской – 89, в Самарской – более 84% земель. В результате в губерниях северо-восточной группы средне-черноземной полосы произошло сокращение численности скота на 3,8–3,9%, а в новороссийских губерниях даже на 16,6% [43. С. 71, 73–74]. В Таврической губернии во второй половине 1880-х гг. земство ежегодно часть земель, значившихся ранее «удобными», перечисляло в «неудобные». В одном обществе в 1872 г. удобных земель числилось 4 000 десятин, к 1887 г. – лишь 800 десятин. Остальные превратились в пески [58. С. 216]. В 1880–1890-х гг. стала отмечаться тенденция сокращения посевных площадей в центральных областях России. В 1887–1905 гг. площадь посева сократилась в промышленном районе на 3,6%, в Средневолжском и центрально-земледельческом – на 4,6% [58. С. 40].

Стремление крестьян обратить свои выгоны в пашни приводило к невозможности вести сколько-нибудь рациональное хозяйство, что нередко потом становилось причиной ходатайств о переселении. Объясняя причины роста переселений в 1880–1882 гг., воронежский губернатор среди прочих причин назвал дефицит выгонов и пастбищных мест. Крестьяне Тамбовской губернии в своих ходатайствах о переселении практически всегда указывали на отсутствие выгонов и пастбищ [52. С. 81].

Парадоксально, но тенденция сокращения посевных площадей имела место на фоне прогрессирующего роста числа безземельных или малоземельных хозяйств. По данным Н.Х. Бунге, на 1895 г. в 46 губерниях Европейской России было 726 388 безземельных дворов [59. Л. 39]. В 1905 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 14,7 млн крестьянских дворов, из них количество безземельных составляло уже 2,2 млн [60. С. 197]. По отдельным губерниям ситуация была еще более катастрофичная. Например, в 1903 г. в Полтавской губернии 17% домохозяев совершенно не имели земли, а 35% владели менее чем 3 десятинами [59. С. 3–3об]. При этом, по подсчетам С.А. Короленко, нормой наделения признавался надел в 5 десятин на 1 д.м.п., рабочей силе семьи из 6 человек должно было соответствовать 7 десятин посева, не считая пара [61. С. 8–9]. Все перечисленные выше факторы носили эко-

номический характер и являлись основными мотивами, заставлявшими крестьян покидать губернии выхода. Как показало исследование комиссии Саратовского земства в 1889–1890-х гг., основными причинами переселений были условия экономического быта населения. 62% обществ, от которых поступали ходатайства, не были обеспечены землей совершенно, 32% обществ – обеспечены недостаточно, и лишь 6% были признаны вполне обеспеченными, имея от 13 до 21,4 десятины на двор [62. С. 116]. При аграрном перенаселении переход к новой системе земледелия требовал времени, знаний, средств и психологической перестройки. Но к этому способу население обращается лишь тогда, когда отсутствует возможность к переселению, а у населения России почти всегда существовала возможность для колонизации. Именно поэтому население России чаще обращалось именно к переселению, а не к интенсификации земледелия [63. С. 27]. Особенности крестьянского мышления и привычка вести хозяйство шаблонными «дедовскими» методами нацеливали крестьян на борьбу с аграрным перенаселением чисто экстенсивными методами, одним из которых было переселение.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. сформировался комплекс факторов, способствовавших росту крестьянских переселений: увеличивалось количество безземельных крестьян, росло аграрное перенаселение, обострялся кризис экстенсивного трехполья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томилова Н.К. Переселение крестьян в Алтайский округ (1865–1899 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1967. Вып. 3.
2. Скворцов П. Распределение крестьянской поземельной собственности в Европейской России и падающие на землю платежи // Юридический вестник. 1892. Т. X, кн. 4.
3. Вениаминов П. Крестьянская община. СПб. : Типография Д.П. Вайсбрута, 1908.
4. Чернышев И.В. Откуда пошла крестьянская бедность в России. (К аграрному вопросу). Пг. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1917.
5. Тихонов В.В. Переселение в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М. : Наука, 1978.
6. Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1 : Крестьянская община. М. : Типография А.И. Мамонтова, 1892.
7. Качаровский К.Р. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? (Опыт цифрового и фактического исследования). СПб. : Типография т-ва «Народная польза», 1900.
8. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
9. Анфилов А.М., Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914 гг.) // История СССР. 1980. № 4.
10. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX века). Л. : Наука, 1972.
11. Остафьев В. Переселенцы в Сибири // Юридический вестник. 1891. Т. VIII, кн. 1–2.
12. Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М. : Типо-литография И.Н. Кушнерева и К^о, 1884.
13. Огановский Н.П. Аграрная эволюция в России после 1905 г. М. : Типография т-ва Рябушинских, 1917.
14. Пруцавин В.С. Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М. : Типография И.Н. Кушнерева и К^о, 1888.
15. Крестовников Г.А. Могут ли быть переделы наделной земли крестьян после окончания выкупной операции? М. : Типография Д. Черышев и Н. Кобельков, 1908.
16. Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община Поволжья в 1861–1900 годы. Саратов : Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2008.
17. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М. : Наука, 1992.
18. П.Д. Русский социализм и общинное землевладение. М. : Печатня С.П. Яковлева, 1899.
19. Гурко В.И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1906.
20. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978.
21. Карышев Н.А. Подворное и общинное хозяйство // Русское богатство. 1894. № 1.
22. Омельченко А.В. Сибирь за землей и счастьем // Мир божий. 1900. № 8.
23. Деятельность Черниговского губернского земства по переселению за 1909 год. Чернигов : Типография губернского земства, 1910.
24. Кочуровский К. Крестьянское хозяйство и переселение // Русская мысль. 1894. Кн. III.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 2.
26. РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 5.
27. Огановский Н.П. Очерки по аграрному вопросу // Вестник Европы. 1913. Кн. 9.
28. Ядринцев Н.М. Наши выселения и колонизация // Вестник Европы. 1880. № 6.
29. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае (статистико-экономический очерк) // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Иркутск : Типография газеты «Восточное обозрение», 1889. Т. I, вып. 1.
30. Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. № 3.
31. Дружинин Н.М. Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия // Славяне и Россия. М. : Наука, 1972.
32. Тернер Ф. Государство и землевладение. Ч. II: Крестьянское землевладение. СПб. : Типография В.Ф. Киришаума, 1901.
33. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). Ф. И-332. Оп. 2. Д. 3.
34. ГУТО ГАТ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 143.

35. Краевое государственное учреждение Государственный архив Алтайского края (КГУ ГААК). Ф. Д-3. Оп. 1. Д. 907.
36. Яоринцев Н.М. Судьба русских переселенцев за Урал // Отечественные записки. 1879. № 6. Т. CCLXIV. Отд. II.
37. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Государственная типография, 1896.
38. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221.
39. Приложения к всеподданнейшему отчету статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Государственная типография, 1896.
40. Рогалина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7.
41. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. : Памятники исторической мысли, 2001.
42. Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг. : Право, 1922.
43. Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1906.
44. Бар Ф. Крестьянское общинное землевладение в аграрном и социально-политическом отношениях. М. : Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1894.
45. Каблуков Н.А. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. М. : Типография т-ва И.Д. Сытина, 1908.
46. Анфилов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М. : Наука, 1980.
47. Бар Ф. Общинное землевладение, малоземелье, переселение и земледельческий, экономический и торговый кризис в России. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1886.
48. Гурко В.И. Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб. : Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1906.
49. Орановский Н.П. Закономерность аграрной эволюции. Т. III: Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. I: Население. Переселенческий вопрос. Саратов : [б.и.], 1914.
50. Дудолов А. Очерки переселенческого в Сибирь движения // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1886. Кн. VIII, вып. 1–2.
51. Воронин В.В. Крестьянская община. М. : Типография А.И. Мамонтова и К°, 1892.
52. Чуркин М.К. Переселение крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2006.
53. Сельскохозяйственные статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. X: Распространенность навозного удобрения в России. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1901.
54. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX в. и железнодорожная статистика. СПб. : Алетейя, 2010.
55. Ермолов А.С. Наши неурожая и продовольственный вопрос. Ч. 1: Продовольственное дело в прошлом и настоящем. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1909.
56. Чернышев И.В. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. СПб. : Северная печатня, 1911.
57. Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1887. № 10.
58. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М. : Изд-во АН СССР, 1963.
59. РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 437. Л. 39.
60. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб. : [б.и.], 1907.
61. Короленко С.А. Обзор экономического положения России в сельско-хозяйственном и промышленном отношении. СПб. : Типо-литография И.В. Цветкова, 1895.
62. Пешехонов А.В. Земельные нужды деревни // Русское богатство. 1903. № 11.
63. Мионов Б.Н. Социальная история России периода империализма (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 2-е изд., испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 ноября 2013 г.

Belyanin Dmitry N. Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation), Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/15617793/378/17

FACTORS OF PEASANT RESETTLEMENT TO SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES.

Key words: preconditions of peasant resettlement to Siberia; colonization; agrarian crisis in Russia.

The paper researches the major factors that stimulated resettlement of peasants to Siberia in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries. A big complex of both pre-revolutionary and modern scientific literature, and archival sources not published earlier were used in the research. The investigated question was not the object of a special research in the domestic science, it was studied only superficially and represents a lacuna. The author has allocated three factors of economic character, proving that they forced peasants to resettle. It is proved that conditions for peasant resettlement started forming as a result of cancelling of the serfdom in 1861, when a part of peasants received either small allotments or lands of bad quality and refused from such plots, preferring resettlement. On the big actual material the author proves that a part of peasants lost allotments as a result of repartitions in communities, and were compelled to leave for resettlement. Among the factors that made peasants resettle is the reduction of real land tenure connected with a natural increase of the peasant population and family sections inside peasant households. The author considers the growth of peasants leaving for foreign earnings and the average reduction of land tenure as indicators of the agrarian overpopulation. The third factor is the agrarian crisis which captured the agriculture of Russia at the threshold of the 19th-20th centuries. This crisis was expressed in land exhaustion, productivity decrease, shortages accumulation. Thus, the overwhelming majority of peasants could not or did not wish to introduce any agrotechnical innovations, use fertilizers or intensive facilities. Peasants tried to solve problems of increase in the population and land exhaustion by using other agricultural lands. Such practice was not efficient – the opportunities for rational land use were reduced, which strengthened the agrarian crisis and forced peasants to resettle. It was partly connected with the use of traditional methods, and partly with the fact that the extensive way of development of the Russian village still did not completely settle itself. During the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries peasants of the European Russia had an opportunity for resettlement, and it was a deterrent for intensification of agricultural production.

REFERENCES

1. Tomilova N.K. Pereselenie krest'yan v Altayskiy okrug (1865–1899 gg.) // Voprosy istorii Sibiri. Tomsk : Izd-vo TGU, 1967. Vyp. 3.
2. Skvortsov P. Raspredelenie krest'yanskoy pozemel'noy sobstvennosti v Evropeyskoy Rossii i padayushchie na zemlyu platezhi // Yuridicheskiy vestnik. 1892. T. X, kn. 4.
3. Veniaminov P. Krest'yanskaya obshchina. SPb. : Tipografiya D.P. Vaysbruta, 1908.

4. *Chernyshev I.V.* Otkuda poshla krest'yanskaya bednost' v Rossii. (K agrarnomu voprosu). Pg. : T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1917.
5. *Tikhonov V.V.* Pereselenie v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. Po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoy statistiki. M. : Nauka, 1978.
6. *Itoги ekonomicheskogo issledovaniya Rossii po dannym zemskoy statistiki.* T. 1 : Krest'yanskaya obshchina. M. : Tipografiya A.I. Mamontova, 1892.
7. *Kachorovskiy K.R.* Russkaya obshchina. Vozmozhno li, zhelatel'no li ee sokhranenie i razvitiye? (Opyt tsifrovogo i fakticheskogo issledovaniya). SPb. : Tipografiya t-va "Narodnaya pol'za", 1900.
8. *Sklyarov L.F.* Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reformy. L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1962.
9. *Anfimov A.M., Zyryanov P.N.* Nekotorye cherty evolyutsii russkoy krest'yanskoy obshchiny v poreformenny period (1861–1914 gg.) // Istoriya SSSR. 1980. № 4.
10. *Chernukha V.G.* Krest'yanskiy vopros v pravitel'stvennoy politike Rossii (60–70 gody XIX veka). L. : Nauka, 1972.
11. *Ostaf'ev V.* Pereselentsy v Sibiri // Yuridicheskiy vestnik. 1891. T. VIII, kn. 1–2.
12. *Grigoriyev V.N.* Pereselenie krest'yan Ryazanskoy gubernii. M. : Tipo-litografiya I.N. Kushnereva i K^o, 1884.
13. *Oganovskiy N.P.* Agrarnaya evolyutsiya v Rossii posle 1905 g. M. : Tipografiya t-va Ryabushinskikh, 1917.
14. *Prugavin V.S.* Russkaya zemel'naya obshchina v trudakh ee mestnykh issledovateley. M. : Tipografiya I.N. Kushnereva i K^o, 1888.
15. *Krestovnikov G.A.* Mogut li byt' peredely nadel'noy zemli krest'yan posle okonchaniya vykupnoy operatsii? M. : Tipografiya D. Cheryshev i N. Kobel'kov, 1908.
16. *Solov'ev V.Yu.* Russkaya krest'yanskaya obshchina Povolzh'ya v 1861–1900 gody. Saratov : Saratov. gos. sots.-ekon. un-t, 2008.
17. *Zyryanov P.N.* Krest'yanskaya obshchina Evropeyskoy Rossii v 1907–1914 gg. M. : Nauka, 1992.
18. *P.D. Russkiy sotsializm i obshchinnoe zemlevladienie.* M. : Pechatnya S.P. Yakovleva, 1899.
19. *Gurko V.I.* Otryvochnye mysli po agrarnomu voprosu. SPb. : Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, 1906.
20. *Vereshchagin P.D.* Krest'yanskiye pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX v.). Minsk : Izd-vo Belarus. gos. un-ta, 1978.
21. *Karyshev N.A.* Podvornoe i obshchinnoe khozyaystvo // Russkoe bogatstvo. 1894. № 1.
22. *Omel'chenko A.V.* Sibir' za zemly i schast'em // Mir bozhny. 1900. № 8.
23. *Deyatel'nost' Chernigovskogo gubernskogo zemstva po pereseleniyu za 1909 god.* Chernigov : Tipografiya gubernskogo zemstva, 1910.
24. *Kochurovskiy K.* Krest'yanskoe khozyaystvo i pereselenie // Russkaya mysl'. 1894. Kn. III.
25. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA).* F. 391. Op. 2. D. 2.
26. RGIA. F. 391. Op. 2. D. 5.
27. *Oganovskiy N.P.* Ocherki po agrarnomu voprosu // Vestnik Evropy. 1913. Kn. 9.
28. *Yadrintsev N.M.* Nashi vyseleniya i kolonizatsiya // Vestnik Evropy. 1880. № 6.
29. *Chudnovskiy S.L.* Pereselencheskoe delo na Altae (statistiko-ekonomicheskiy ocherk) // Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki. Irkutsk : Tipografiya gazety «Vostochnoe obozre-nie», 1889. T. I, vyp. 1.
30. *Belyakov I.E.* Pereselenetsy o Sibiri // Russkoe bogatstvo. 1899. № 3.
31. *Druzhinin N.M.* Agrarnaya reforma 1866 g. i ee posledstviya // Slavyane i Rossiya. M. : Nauka, 1972.
32. *Terner F.* Gosudarstvo i zemlevladienie. Ch. II: Krest'yanskoe zemlevladienie. SPb. : Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1901.
33. *Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske (GUTO GAT).* F. I-332. Op. 2. D. 3.
34. GUTO GAT. F. I-332. Op. 1. D. 143.
35. *Kraevoye gosudarstvennoe uchrezhdenie Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraja (KGU GAAK).* F. D-3. Op. 1. D. 907.
36. *Yadrintsev N.M.* Sud'ba russkikh pereseleniy za Ural // Otechestvennyye zapiski. 1879. № 6. T. CCLXIV. Otd. II.
37. *Vsepoddanneyskiy otchet stats-sekretarya Kulomzina po poezdke v Sibir' dlya oznakomleniya s polozheniem pereselencheskogo dela.* SPb. : Gosudarstvennaya tipografiya, 1896.
38. *Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO).* F. 3. Op. 13. D. 1221.
39. *Prilozheniya k vsepoddanneysheму otchetu stats-sekretarya Kulomzina po poezdke v Sibir' dlya oznakomleniya s polozheniem pereselencheskogo dela.* SPb. : Gosudarstvennaya tipografiya, 1896.
40. *Rogalina N.L.* Agrarnyy krizis v rossiyskoy derevne nachala XX veka // Voprosy istorii. 2004. № 7.
41. *Tyukavkin V.G.* Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma. M. : Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001.
42. *Brutskus B.D.* Agrarnyy vopros i agrarnaya politika. Pg. : Pravo, 1922.
43. *Ermolov A.S.* Nash zemel'nyy vopros. SPb. : Tipografiya V. Kirshbauma, 1906.
44. *Bar F.* Krest'yanskoe obshchinnoe zemlevladienie v agrarnom i sotsial'no-politicheskom otnosheniyakh. M. : Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1894.
45. *Kablukov N.A.* Ob usloviyakh razvitiya krest'yanskogo khozyaystva v Rossii. M. : Tipografiya t-va I.D. Sytina, 1908.
46. *Anfimov A.M.* Krest'yanskoe khozyaystvo Evropeyskoy Rossii. 1881–1904 gg. M. : Nauka, 1980.
47. *Bar F.* Obshchinnoe zemlevladienie, malozemel'e, pereselenie i zemledel'cheskiy, ekonomicheskiy i trgovyy krizis v Rossii. SPb. : Tipografiya V. Kirshbauma, 1886.
48. *Gurko V.I.* Otryvochnye mysli po agrarnomu voprosu. SPb. : Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, 1906.
49. *Oganovskiy N.P.* Zakonomernost' agrarnoy evolyutsii. T. III: Obnovlenie zemledel'cheskoy Rossii i agrarnaya politika. Vyp. I: Naselenie. Pereselencheskiy vopros. Saratov : [b.i.], 1914.
50. *Dudoladov A.* Ocherki pereselencheskogo v Sibir' dvizheniya // Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1886. Kn. VIII, vyp. 1–2.
51. *Voronin V.V.* Krest'yanskaya obshchina. M. : Tipografiya A.I. Mamontova i K^o, 1892.
52. *Churkin M.K.* Pereselenie krest'yan chernozemnogo tsentra Evropeyskoy Rossii v Zapadnyuyu Sibir' vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: determiniruyushchie faktory migratsionnoy mobil'nosti i adaptatsii. Omsk : Izd-vo OmGPU, 2006.
53. *Sel'skokhozyaystvennyye statisticheskie svedeniya po materialam, poluchennym ot khozyaev.* Vyp. X: Rasprostranennost' navoznogo udobreniya v Rossii. SPb. : Tipografiya V. Kirshbauma, 1901.
54. *Davydov M.A.* Vserossiyskiy rynek v kontse XIX – nachale XX v. i zheleznodorozhnaya statistika. SPb. : Aleteyya, 2010.
55. *Ermolov A.S.* Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros. Ch. 1: Prodovol'stvennoe delo v proshlom i nastoyashchem. SPb. : Tipografiya V. Kirshbauma, 1909.
56. *Chernyshev I.V.* Krest'yane ob obshchine nakanune 9 noyabrya 1906 goda. SPb. : Severnaya pechatnya, 1911.
57. *Vnutrennee obozrenie // Russkoe bogatstvo.* 1887. № 10.
58. *Dubrovskiy S.M.* Stolypinskaya zemel'naya reforma. M. : Izd-vo AN SSSR, 1963.
59. RGIA. F. 1273. Op. 1. D. 437. L. 39.
60. *Statistika zemlevladieniya 1905 g. Svod dannyykh po 50 guberniyam Evropeyskoy Rossii.* SPb. : [b.i.], 1907.
61. *Korolenko S.A.* Obzor ekonomicheskogo polozheniya Rossii v sel'sko-khozyaystvennom i promyshlennom otnoshenii. SPb. : Tipo-litografiya I.V. Tsvetkova, 1895.
62. *Peshkhnov A.V.* Zemel'nye nuzhdy derevni // Russkoe bogatstvo. 1903. № 11.
63. *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperializma (XVIII – nachalo XX v.) : v 2 t. 2-e izd., ispr. SPb. : Dmitriy Bulanin, 2000. T. 1.